

Ань Цзыци, получив приказ, даже не посмел взглянуть на выражение лица Цзинь-вана и поспешно удалился. Едва он вышел за пределы леса, как Цзинь-ван погрузился в гнетущую тишину. Это была тишина перед бурей, когда гнев вот-вот готов был вырваться наружу, и Ань Цзыци не мог сдержать страха.

С неба начал падать мелкий снег, смешиваясь с ледяными каплями дождя. Сыма Шаоцзюнь шёл за Ань Цзыци вдоль каменной дорожки, медленно направляясь внутрь.

Зимний дождь бил по его белоснежному шёлковому халату, пронизывая холодом до костей, но вокруг него возникала тонкая световая аура, словно он шёл из глубин времени.

Слегка подняв голову, он мельком увидел Цзинь-вана, стоящего под навесом. Взгляд его дрогнул, и ему показалось, что оттуда бежит юноша в чёрной одежде с тёплой улыбкой.

— Подойди, — Цинь Юй обратился к Ань Цзыци.

Ань Цзыци встал перед Цзинь-ваном, слегка опустив голову. Цзинь-ван не произнёс ни слова, снял меч с его боку и спокойно сказал:

— Уходи и не позволяй никому войти.

— Слушаюсь.

Шаги Ань Цзыци удалялись, и он покинул двор. Цинь Юй посмотрел на Сыма Шаоцзюня, стоящего во дворе. Снег и ледяной дождь уже промочили халат князя Чэн, который стоял, опустив голову и не двигаясь, глядя себе под ноги.

— Ваше Высочество, князь Цинь, — Сыма Шаоцзюнь поклонился.

Цинь Юй слегка поднял голову, глядя на капли воды, падающие с навеса.

— На меня было совершено покушение.

Сыма Шаоцзюнь крепко сжал губы, не произнося ни слова, слегка согнувшись. Цинь Юй посмотрел на него, брови его дрогнули, и он сделал шаг вперёд, резко вытащив меч.

— Ты знаешь Чжо Цинфэна?

— Да.

— Когда?

— В шестой год эры Юнхэ.

— Хорошо, — Цинь Юй поднял его голову, заставляя смотреть на себя. — Тогда ты знаешь, как он связан с Большим Снежным хребтом?

Сыма Шаоцзюнь поднял голову и наконец увидел его выражение лица. В чёрных глазах Цинь Юя бурлил сдерживаемый гнев, отчего сердце Сыма Шаоцзюня сжалось.

— Говори! — Цинь Юй схватил его за воротник, понизив голос. — Иначе я убью тебя.

— Знаю...

Едва он произнёс это, как его отбросило в сторону, и он тяжело упал на каменную плиту, ощущая боль во всём теле. Цинь Юй шагнул к нему, поднеся меч к его груди.

— В восьмом месяце десятого года эры Юнхэ Большой Снежный хребет подстрекал цянов к восстанию, напав на границы царства Цзинь, — медленно произнёс Цинь Юй, его голос становился всё холоднее, и он скрежетал зубами. — Это как-то связано с тобой?

Сыма Шаоцзюнь опёрся рукой на холодный пол. Он никогда не видел Цинь Юя таким разгневанным. Даже в южном пригороде Сюаньчэна, когда он обнаружил, что всё было обманом, Цинь Юй не был так зол. Сыма Шаоцзюнь понял, что стоит ему лишь слегка кивнуть, и острый меч немедленно опустится.

— Нет, в то время я был в Миньюэ, занятый улаживанием последствий после Цзиньтяня.

Цинь Юй глубоко вздохнул, и в его сердце наступило небольшое успокоение.

— Сыма Шаоцзюнь, если я обнаружу, что ты сегодня хоть в чём-то солгал, я не пощажу тебя. И не только тебя, но и всех в Миньюэ, кто будет расплачиваться за это.

Он бросил меч и повернулся, направляясь в дом. Усевшись на стул, он снова стал Цзинь-ваном.

— Князь Чэн, войдите и присаживайтесь.

Медленно поднявшись, Сыма Шаоцзюнь понял, что он избежал самой большой опасности. Поправив рукава, он тоже медленно вошёл в дом.

— Князь Чэн, — Цинь Юй посмотрел на него, сидящего напротив, и с лёгкой улыбкой мягко сказал:

— Я хочу попросить тебя об одной услуге.

— Пожалуйста, говорите.

— Я хочу, чтобы ты убедил императора У издать указ о казни восьми великих семейств по обвинению в мятеже и узурпации власти.

— Что вы задумали? — лицо Сыма Шаоцзюня мгновенно изменилось.

— Как ты думаешь, что я задумал? — Цинь Юй медленно поднял чайную чашку, бросив на него взгляд. — Я хочу, чтобы твой клан Сыма пал, и чтобы Миньюэ исчезло.

— Прошу прощения, но я не могу выполнить это, — Сыма Шаоцзюнь покачал головой.

Цинь Юй, глядя на его решительное выражение лица, приподнял брови.

— Сыма Шаоцзюнь, во время переговоров ты устроил мне засаду, сегодня послал убийцу, а теперь говоришь мне «прошу прощения»?

— Верно, — Сыма Шаоцзюнь встал и поклонился. — Прошу прощения.

Цинь Юй усмехнулся и подошёл к нему.

— Этот твой глупый и подлый отец стоит того?

— Нет, — спокойно ответил Сыма Шаоцзюнь. — Но Миньюэ стоит. Долг перед народом и страной Миньюэ обязывает меня. Я ношу фамилию Сыма, и поэтому должен так поступать.

— Долг перед страной? — Цинь Юй усмехнулся, глядя на него. — Разве твой клан Сыма не узурпировал трон у императора Чу? Какое отношение твой клан имеет к этой стране?

— Если так говорить, то разве твой клан Цинь не узурпировал трон у Лянов?

Цинь Юй вздрогнул.

Сыма Шаоцзюнь посмотрел на него, успокаивая эмоции.

— Ваше Высочество, вы носите фамилию Цинь, а я — Сыма. Мы родились здесь, и у нас нет выбора. Мы должны делать то, что должны ради наших стран.

— Какой преданный своему долгу князь Чэн, — Цинь Юй подошёл к нему, слегка наклонившись и глядя ему в глаза. — Но знаешь ли ты, как Миньюэ собирается поступить с тобой?

Сыма Шаоцзюнь крепко сжал губы, не произнося ни слова. Цинь Юй приподнял брови и загадочно улыбнулся.

— Миньюэ готово отдать тебя мне в обмен на свою выживание, чтобы ублажить мои прихоти. Как ты на это смотришь?

Лицо Сыма Шаоцзюня побелело, он сжал кулаки и посмотрел на него.

— Если только так Миньюэ сможет остаться в безопасности, я... я согласен.

Миньюэ в безопасности! Цинь Юй стоял так близко, что видел, как щёки Сыма Шаоцзюня дрожали от страха. В его сердце раздался громкий смех, и он отступил на шаг.

— Но ради страны и общества я не могу согласиться, — Цинь Юй похлопал его по плечу и прошёл мимо него, направляясь к выходу. — Ты прав, в конце концов, я ношу фамилию Цинь.

Я ношу фамилию Цинь, поэтому ты никогда не будешь искренне со мной. Ты всегда будешь думать о Миньюэ, Сыма Шаоцзюнь. Я не хочу, чтобы всю оставшуюся жизнь мы провели в интригах.

— Ваше... Ваше Высочество, — Сыма Шаоцзюнь вдруг громко окликнул его, дрожащим голосом спросив. — Оставьте Миньюэ, пожалуйста...

— Оставить? — Цинь Юй обернулся, с усмешкой глядя на него. — Хорошо, стань на колени и умоляй меня.

Стук... Сыма Шаоцзюнь опустился на колени. Цинь Юй изменился в лице, выражение его стало мрачным. Он шагнул вперёд, наклонившись к нему.

— Сыма Шаоцзюнь, ради Миньюэ ты готов на всё, да?

— Умоляю вас, пощадите Миньюэ.

Сыма Шаоцзюнь ударился головой о землю, глухой звук отозвался в ушах Цинь Юя, заставив его брови дрогнуть. Он холодно усмехнулся.

— Я даю тебе шанс. Если ты сможешь стоять на коленях, пока я не передумаю, я пощажу Миньюэ.

Снова повернувшись, Цинь Юй ушёл, не оглядываясь.

Холод поднимался от земли, пронизывая всё тело Сыма Шаоцзюня. Он изо всех сил старался держать спину прямо, но веки становились всё тяжелее, и в конце концов он уже не мог различать окружающее, всё слилось в тумане.

Ноги давно потеряли чувствительность, он ощущал только холод, проникающий в кости и сердце.

Свет становился всё тусклее, и даже туман перед глазами постепенно исчезал. Сыма Шаоцзюнь не помнил, сколько времени он простоял на коленях. Ему лишь смутно вспоминалось, что когда солнце освещало двор, он чувствовал лёгкое тепло. Сможет ли он дождаться, когда солнце снова взойдёт?

Шлёп... Его тело наклонилось в сторону, и Сыма Шаоцзюнь удивился, что не упал на холодный каменный пол.

— Это последний раз. Это моя последняя уступка. Сыма Шаоцзюнь, ты такой же, как и я. Мы не заслуживаем чьей-то жалости. Такие, как мы, могут жить только в интригах.

Сыма Шаоцзюнь положил руку на его грудь, почувствовав сердцебиение и тепло под ладонью, и невольно улыбнулся. Затем он окончательно погрузился во тьму.

Цинь Юй обнял его, глядя на бледное лицо с лёгкой улыбкой, и крепче сжал его в объятиях, закрыв глаза. Через некоторое время он открыл их и посмотрел на только что взошедшее солнце на горизонте.

Император Мин У-ди, Сыма Жуй, взошёл на трон в юном возрасте и когда-то был могущественным правителем Поднебесной. Тридцать лет назад, ещё не достигнув тридцати лет, император Мин У-ди возглавил армию и нанёс поражение войскам князя Ляна. Армия князя Ляна так и не смогла пересечь заставу Цзиньтянь. Император Мин У-ди даже возглавил войска, захватив заставу Шаньгуань, и удерживал её несколько лет, пока заставка не была возвращена Императорским двором после смерти князя Ляна.

Сыма Жуя одно время считали равным князю Ляну, но их судьбы сложились совершенно по-разному. Князь Лян сиял до предела, а затем внезапно исчез, а император Мин У-ди постепенно удовлетворился своими достижениями в управлении и увлёкся интригами и красотками в своём гареме.

В Императорском дворце Миньюэ было так много красавиц, что даже если бы он встречался с десятью в день, потребовался бы год, чтобы увидеть всех. Это действительно были три тысячи красавиц, поэтому в этом поколении клана Сыма было множество принцев и принцесс, которых сам император Мин У-ди не мог сосчитать.

Князь Цзинь внимательно рассматривал седовласого императора Мин У-ди, восхищаясь энергией этого старого хитреца. Три поколения клана Цинь не могли сравниться по численности с императорской семьёй Сыма.